

БРАВО!



Все смешалось в доме советском: праздники, огорчения, рынок и базар, недостижимые цены, пустые прилавки, но иногда и полные концертные залы.

По крайней мере, Малый зал Красноярской филармонии в те январские вечера, когда там пел Дмитрий Хворостовский, был полон.

Прошедший год был для нашего земляка, слава Богу, удачным. Надеемся, что и в наступившем фортуна не отвернется от молодого певца, успевшего покорить если не весь мир, то полмира-то точно.

Заметки музыковеда Эльвиры Ванюковой о красноярских концертах Дмитрия Хворостовского — на 3-й странице.

БРАВО!
ГАРМОНИИ БОЖЕСТВЕННЫЕ ТАЙНЫ



Праздник Рождества наконец-то официально вернули в Россию, это вы уже знаете. Но наш официоз ошибается, если думает, что идет в ногу с народными чаяниями. На самом деле «отцы» сильно приподзали. Из народного сознания этот светлый день и не исчезал никогда. А лучшие представители нации старались и раньше как-то обозначить праздник Рождества богоугодными делами, радующими души окружающих.

Думается, что одним из самых добрых гениев стал для красноярцев певец Дмитрий Хворостовский. Систематически выезжая в родной город в пред рождественское время, он с неизменной щедростью и сердечностью преподносит землякам совершенно необычные подарки. Так в 1990 году 7 января он блистательно спел Онегина в оперном театре, заставил акнуть даже выдающихся профессионалов. В те же январские дни во время своих бенефисов он представил горожанам своих друзей по институту, будущих солистов оперы Наталью Саварову и Александра Белоногова. В 1991 году 3 января Дмитрий принял участие в творческом вечере Ларисы Марзоевой в Доме актера и записал интервью для телепередачи «Студия-2». А иначе он дал два благотворительных концерта в пользу Красноярского института искусства (надо же его когда-то достраивать!). Кроме того, на первом концерте, состоявшемся в Малом зале 4 января, как уже сообщила ваша газета, Дмитрий Хворостовский представил в Красноярске программу, одна половина которой состояла из произведений зарубежных композиторов 16—19 веков (от Джулио Каччини до Винченцо Беллини), другая же половина была отдана русским композиторам 19 века — А. Рубинштейну, А. Бородину, Н. Римскому-Корсакову.

Неизменный интерес Хворостовского к произведениям эпохи барокко продиктован, очевидно, несколькими обстоятельствами. Во-первых, тем, что весь строй этой музыки помогает держать

певческую форму без каких-либо особых усилий. А во-вторых, и это главное, сама музыка является мощным и неиссякающим источником чистоты и сильных чувств, и даже сейчас, через несколько столетий, доносит до нас представление о личности и художественном вкусе каждого автора. Для музыкантов же произведения эпохи позднего ренессанса являются субъектом пристального исполнительского исследования. При воспроизведении старинной, очень удаленной от нас по времени музыки легко можно соскользнуть в этукую припыленную музейность, что часто и наблюдается на практике. Однако ничего подобного никогда не происходит у Хворостовского. Заложенный композиторами огромный диапазон эмоций он всегда вскрывает с удивительной смелостью и точностью, подобно опытному реставратору, который вдыхает в произведение новую жизнь.

Не полотно ли великих Леонардо, Микеланджело и Рафаэля подсказали Хворостовскому эту чудную гармоничность звуковой палитры, трансформированную в мир звуков, эту увлекающую слушателей игру светотени! А может, в сердце своем он подслушал то теплое и любовное чувство, которым было проникнуто исполнение всех канцон и надгробных концертов.

Все это, объединенные общей эмоцией, личностным взглядом исполнителя, воспринимаются, в конечном счете, как посвящение Женщине — будь то Дева Мария или земная возлюбленная.

Второе отделение было отдано в основном музыке гедонистического плана, музыке «чистой красоты», где особое значение приобретают каждый звук, каждый нюанс, каждая модуляция. И здесь уже нельзя обйти молчаливым вторым участником



концерта Михаила Аркадзева, который работает вместе с Хворостовским достаточное время для того, чтобы можно было говорить о сложившемся ансамбле исполнителей.

Исполнительские черты, объединяющие Хворостовского и Аркадзева, это яркий артистизм и умение превращать музыку в искусство скорее пространственное, нежели временное. У Аркадзева особенно впечатляющим был исполненный на «абис» Пролог из оперы «Паяцы», а у Хворостовского — драматургическая объемность всех без исключения художественных концепций (наиболее ярким доказательством тому стали вещи, которые он повт без музыкального сопровождения).

Думается, излишне говорить, что было с публикой. В этот вечер возвышенное полностью затмило собой земное.

Последнее, что прозвучало со сцены из уст Хворостовского (и, по-видимому, не случайно): «И у меня был край родной; прекрасен он!» Это о нас с вами. И это обоюдная надежда на новые встречи.

Эльвира ВАНЮКОВА, музыковед.



Дмитрий Хворостовский в мировой прессе



Снимки
Анатолія
ШАХОВСКОГО